

Ролан Быков

Размышления

С мамой Ольгой Матвеевной

Человек, который не врет

Дорогой Михаил Григорьевич! Перечитываю и снова радуюсь встрече с Вами. Книжка получилась светлая. Она просто Ваш портрет. Поразило, как не тяготят Вас ни опыт, ни понимание искусства. (Иные даже раннюю седину носят, как шапку Мономаха). И спасибо Вам за добрые слова обо мне. Вы, как всегда, щедры. Сожалею, что огорчил и надеюсь на снисхождение. Не сердитесь...

О чем, стало быть, речь? ... Я всегда верил, что придет время и о сделанном мною напишут правду, как ее сегодня пишут о других.

Если сегодня всерьез писать портрет советского художника, нельзя обойти проблему восстановления исторической истины. Иначе книжка не будет актуальной. Именно эта актуальность интересует сегодня самого широкого читателя в первую очередь!

Никакая, даже рекламная книжка без новых фактов и свежего взгляда на нашу историю сегодня невозможна, тем более о Ролане Быкове. (Ни большая, ни маленькая).

Прежняя ориентация критической мысли — фальсификация, сознательная ложь, борьба с подлинными достижениями в искусстве, подозрительность к новому, ненависть ко всему неординарному, делячество и продажность среди нашей братии — всё это не могло пройти мимо меня. Я всю свою творческую жизнь испытывал не только давление сверху и сопротивление среды, я сознательно уничтожался руководством кинематографа и его думными боярами. Со мной боролись, как с фактом и явлением, и травили меня во сто крат больше, чем очень многих. Недостало только умереть "под занавес" после "Чучела" от инфаркта...

Слава Богу, я жив. Мне действительно повезло. Я выдержал, как и на предыдущих этапах ("Письма мертвого человека", "Проверка на дорогах", "Комиссар").

Но самое трудное, что еще пришлось выдерживать, и еще придется, — это предательство и глухое непонимание "своих". Я все время шел не по "прейскуранту" достижений, слишком часто с большим отрывом (и как актер и как режиссер). Я не сторонний свидетель времени, а его движитель, разведчик и на разных этапах лидер. Я не беспокоюсь, что окажусь недостаточно оцененным, речь о другом. Неосмысленные, незафиксированные открытия пропадают напрасно. Пропадут важные, актуальные идеи, опыт борьбы — вот что меня действительно волнует и даже бесит. В результате, проиграв все сражения, "они" победят, а я, выиграв все бои, проиграю свою войну в целом — вот что невыносимо.

Моя дорога проходит по разным департаментам: театр, кино, телевидение (многое из этого обращено к детям); при ведомственном делении нашей критики это делает меня "безхозным". Не говоря уже о безразличии к искусству для детей.

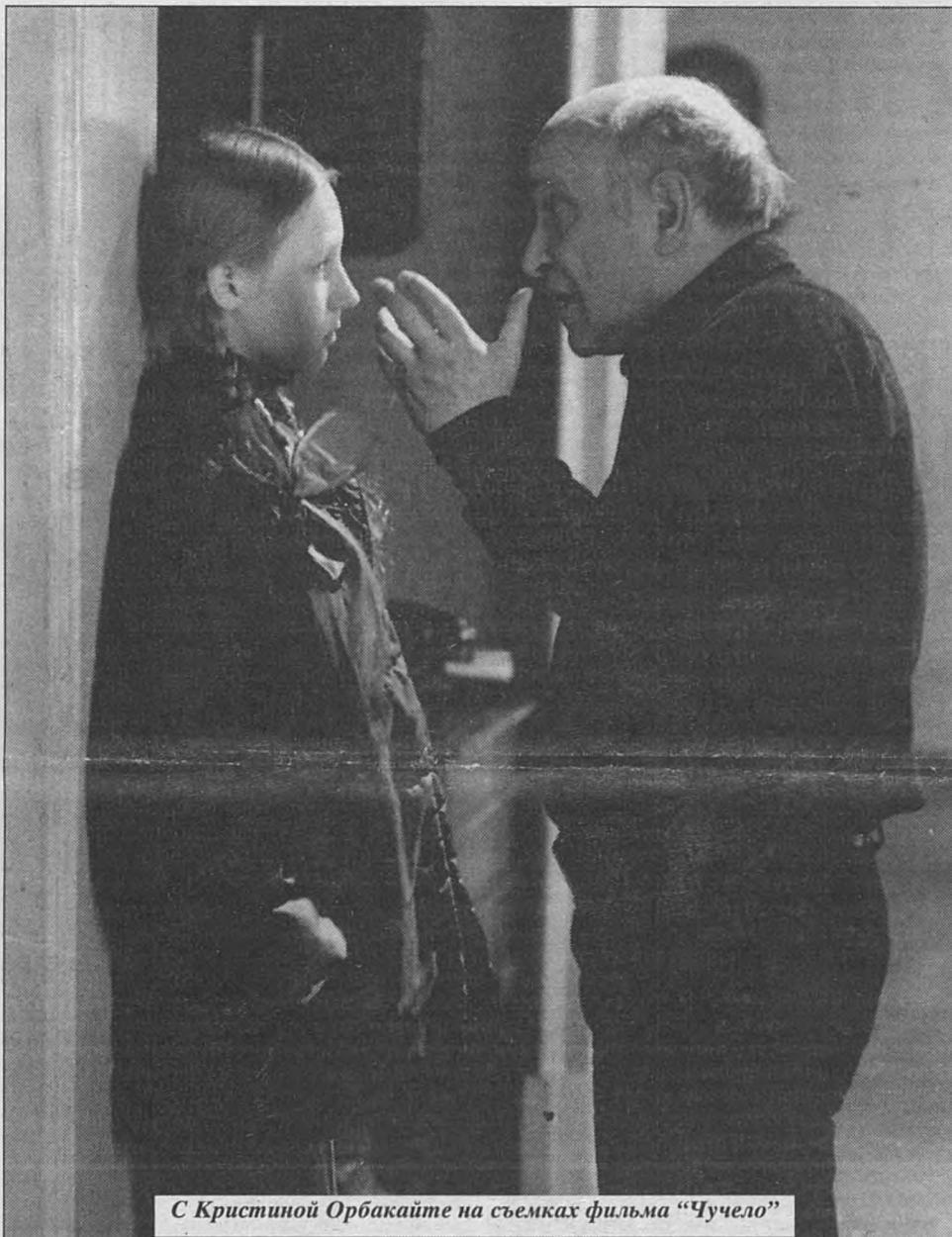
Сегодня, как ни странно, ситуация усложнилась. Я получил звание, лауреатства, стал секретарем, худруком, членом коллегии, преподаю. И я чувствую, что из одной зоны проклятия я попал в другую. Я опять в "городе" виноватых и теперь виноват в том, что не гоним. Я опять подозрителен и опять должен доказывать, что не верблюд. А главное, что как актер и режиссер я опять простаиваю. Раньше не давали, теперь — нет времени.

Но на деле — причина всё та же. Потому что враги всё те же и опасность не меньшая. И опять надо победить.

В 1989 году мне 60. Получилось, что Ваша книжка очень вовремя. Мне хочется, чтоб она была замечена и всерьез прозвучала. И если я Вам еще не надоед, как "герой", просмотрите эти мои записки, может быть, что-то придется ко двору.

"Размышления", — так озаглавил он свое "исповедальное" письмо к Михаилу Григорьевичу Львовскому, который работал в то время над книжкой о Ролане Быкове "Человек, которому верят" ("Киноцентр", М. 1990 г.)

О замечательном Мастере-актере, режиссере много написано и будут еще писать искусствоведы, театральные и кинокритики. Но эти заметки-размышления интересны тем, что принадлежат самому Ролану, они авторские, личные, сокровенные. В них — боль души художника, а потому, может быть, самый точный анализ собственного творчества, своих "бед и обид", и своих побед. Он старался сформулировать концепцию всей своей жизни в театре и кино. "Главное, — писал М.Львовский, — Ролан Быков, проделав большой и трудный путь в искусстве, ни разу не поддавшись соблазну легкого успеха, рискуя и упорно следуя голосу своей совести, стал человеком, которому верят".

С Кристиной Орбакайте на съемках фильма "Чучело"

Начало

Мне бы хотелось начать рассказ с какого-нибудь "скандала" в хорошем смысле, который сразу говорит: то, что вы узнаете о Ролане Быкове, раньше не было известно... и вот почему.

О себе как об актере

Как актер, я один из лидеров процесса демократизации киногероя. Но пока в нашей истории даже термина такого нет. Зато есть термин "дегероизация", — ярлык, который был ко мне приклеен. Это одна из причин запрещения "Проверки на дорогах". Заместитель председателя Госкино СССР говорил Алексею Герману: "Убери Быкова — разрешим картину".

Демократизацию киногероя принимали за пресловутую дегероизацию не случайно. Сама де-

мократия казалась "подрывом основ". Это одна из причин запрещения снимать фильм о "Денисе Давыдове" на студии имени Горького, даже попробовать на роль.

Постепенно стало известно, что Ролан Быков "не рекомендован". А Герман рассказывал, что приглашая меня на роль в "Проверку на дорогах", проявлял чудеса гражданской храбрости. В этом же причина запрещения меня на роль А.С.Пушкина во МХАТе в 1972-73 гг. Что же это было? А это шла борьба за подлинного героя времени, борьба с тем мнимым героем, которого навязывали, борьба с фальшивым чиновно-державным идеалом. Я однажды поспорил с Ф.Ермашем (председатель Госкино) о Хуциевском А.Пушкине, я спросил его: "Вам нужен Пушкин, которому Вы могли бы дать звание Героя Соци-

Автопортрет, нарисованный на компьютере

листического Труда и посадить рядом с собой в президиум?". "Да!" — крикнул он мне. Кстати, почти такой же разговор был у меня с Ангелиной Степановой во МХАТе, когда меня снимали с роли А.Пушкина (она была против того, чтобы играл я). "Вы представляете себе Пушкина выше ростом?" "Да!" — отвечала она очень похоже на Ф.Ермаша. "Более красивым?" — "Да!" "Блондином?" — спросил я, — "Блондином!" — ответила А.Степанова. "Но тогда это будет Дантес!" И я гордо удалился с чувством собственного достоинства и... без роли-судьбы.

То же и по поводу исполнения роли Савушкина в "Мертвом сезоне". В Таллин, где шли съемки, приезжала специальная комиссия, которой поручалось снять Р.Быкова с роли. (Слава Богу, комиссия приехала поздно).

Так вполне драматически, шла демократизация героя в советском театре и кино — это был путь от сталинского классицизма к гуманистическому и реалистическому искусству. Думаю, что перестройка в искусстве происходит всегда. И обязательно "благодаря", бывает и "вопреки".

Собственно говоря, неприятие (в свое время) героев В.Высоцкого, В.Шукшина — проблема, в сущности, та же.

Возвращаясь в детство — Зацепы

Дом 5/11 по 1-му Зацепскому переулку, где я вырос, располагался между двумя рынками — Дубининским и Зацепским, неподалеку от Павелецкого вокзала. Рядом Пятницкая, где жили Лев Толстой и отец Малого театра Н.Островский. А неподалеку Шипок, где выросли кинорежиссер Андрей Тарковский и поэт Андрей Вознесенский.

С женой Еленой Санаевой на съемках фильма "ОНО"

А за Большим Каменным мостом — столь известный сегодня "дом на набережной". Места знаменитые.

Жизнь была рядом, вокруг, как на ладони, она была, как лоскутное одеяло, с одной стороны — зацепская, рыночная, бесшабашная, дворовая, а с другой — торжественно-праздничная, духовная, — Дом пионеров, располагавшийся в мраморном Воронцовском дворце на Кировской. Там театральная студия и сам Иван Берсенева, в сверкающей крахмальной белой рубашке, принимал у нас "экзамены". Эта удивительная жизнь состояла из совершенно разных материй, но была почему-то единой и неразделимой: семья, двор, улица, дом пионеров.

Веселый Зацепский рынок жил своей жизнью; кипели страсти, шныряли карманные, раздавались прибаутки:

А ну, подходи, девки, бабы — Скажу на что слабы! Гадает заслуженный зверек — дядя Дима,

Экран и сцена —